

RAR
УДК 93
ББК 71

РОССИЯ КАК ВЕЧНАЯ ЦЕННОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Д. РЖЕВСКОГО

Коновалов Андрей Александрович,
кандидат филологических наук, профессор
Директор института изящных искусств

Московского педагогического государственного университета
ул. Малая Пироговская, дом 1, строение 1, Москва, Россия, 119991,
e-mail: aa.konovалov@mpgu.edu

Аннотация

В статье рассматривается творчество малоизвестного прозаика «второй волны» русской эмиграции Л. Д. Ржевского, представлена аксиологическая парадигма писателя, интерпретация в её контексте судьбы и миссии России.

Ключевые слова

Л. Д. Ржевский, аксиологическая парадигма, предназначение России, «вторая волна» русской эмиграции.

Л. Д. Ржевский является одним из самых значительных писателей, по-новому осмыслившим тему Второй мировой войны и судеб целого поколения — россиян, европейцев, американцев — в этой войне.

Художественный мир Леонида Денисовича Ржевского (псевдоним Леонида Денисовича Суражевского, 1903–1986) до сих пор остается малоизученным явлением литературы русского зарубежья. Его книги, изданные за рубежом, постепенно возвращаются на родину, обретая своего, увы, немногочисленного читателя. Л. Д. Ржевский с сожалением признавал, что его творчество, как и творчество многих эмигрантов, особенно второй волны эмиграции, остается как бы в вакууме, без тех, кому оно предназначено.

В сущности, творчество Л. Д. Ржевского до сих пор малоизвестно не только широкому читателю, но и литературоведам, ориентированным на уже сложившийся круг возвращенных в лоно русской культуры имен.

Именно сейчас усилиями отечественных литературоведов необходимо ускорить процесс освоения творчества Л. Д. Ржевского и достойной оценки его русской духовной культурой.

Россия, ее предназначение, ее путь в мире, является одной из высших ценностей в аксиологической парадигме творчества Л. Ржевского.

Это Россия «за гранью» политических режимов и диктаторов, вечная, вневременная Родина с ее непреходящими этическими и эстетическими ценностями и великой культурой. Именно к этой вечной, вневременной России, к «деве-Руси», разными, порой трагическими или даже роковыми путями, приходят герои прозы Л. Ржевского, в частности — «военного романа» «Между двух звезд».

История человеческой жизни, по Л. Д. Ржевскому, представляет собой спираль, каждый виток которой в чем-то повторяет предыдущее движение. Чем более переживается и анализируется прошлое, тем ярче чувствуется и осознается настоящее. Космичность мироощущения Л. Д. Ржевского состоит в бесконечном многообразии ассоциативного ряда его произведений. Память писателя аккумулирует прошлое — вплоть до мельчайших подробностей цвета, звука и запаха.

Одним из важнейших фрагментов такого аккумулируемого прошлого для Л. Д. Ржевского являлась русская классическая литература

XIX — начала XX столетия и отраженный в ней быт русского общества. Ценностный мир русской классической литературы своеобразно преломлен и интерпретирован в творчестве писателя-филолога Л. Д. Ржевского. Опираясь на этот ценностный мир (в частности, на систему ценностей, представленную в творчестве И. А. Бунина), Ржевский выстроил собственную ценностную парадигму. Однако эта вновь построенная, возведенная на надежном фундаменте русской классической литературы, ценностная парадигма испытала серьезнейшее влияние литературы «смены эпох» и самой эпохи, современником которой был писатель. Это эпоха сложная, переломная, это своеобразная «Россия после», пришедшая на смену «России до», описанной И. А. Буниным в «Темных аллеях».

К И. А. Бунину как к одному из писателей, унесших с собой в изгнание «родину гармоническую» («Россию до»), обращается Ржевский в финале «Сентиментальной повести», вошедшей в книгу «Между двух звезд»: «Впрочем, кто из нас, теперешних, принес в изгнание родину гармоническую? Мы ее не знали. Она мерещится разве что тем давним беглецам, которые, уехав из края тенистых еще усадеб и румяных еще тургеневских Хорь-Калинычей, сохранили их образ навеки и вечную к ним любовь! Любовь к «до» и ненависть к «после», ибо «после» для них уже перестало быть Россией. Я знал родину негармоническую, родину усадеб разрушенных и кое-как, с протезами, поднимающихся на другой уже лад, и мужиков-Мареев, в бедах и ожесточении давно потерявших прежде классическое обличье. Свою родину я уже не мог изображать черно-белым, с осью, рассекающей ее на «после» и «до». Да и не хотел: я любил ее и «до», и «после», «после», пожалуй, и полнее ее любил и не мог рассечь своего сознания по одному только временному признаку»¹.

К «давним» беглецам, уехавшим из края «тенистых еще усадеб», конечно, можно отнести Бунина как одного из певцов русской усадебной культуры.

Роман Ржевского «Между двух звезд», первоначально опубликованный в эмигрантском журнале «Грани», очень понравился И. А. Бунину. Человеческую и литературную встречу Л. Ржевского и И. Бунина можно назвать судь-

боносной встречей «первой» и «второй» волны русской эмиграции. «В «Гранях» с большим интересом, а иногда и с волнением прочел «Между двух звезд»: ново по теме и есть горячие места»², — писал И. А. Бунин Л. Ржевскому 21 января 1952 г.

Бунин, по Ржевскому, — это паладин «гармонической России», России «до», тогда как самого себя Ржевский относил к России «после», которую следует любить еще сильнее, по-блоковски («Да и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне»³). Бунин не мог и не хотел любить Россию советскую, Ржевский пытался любить Россию в любом обличье.

Можно сказать, что Россия как архетип, как некая неизменная духовная сущность, узнаваемая в любом обличье, под любой личиной, когда, как писал М. А. Волошин «в каждой Стеньке — святой Серафим»⁴, является важнейшим ценностным ориентиром в творчестве Л. Д. Ржевского. В «Неопалимой купине» М. Волошин усматривал истоки русской трагедии в чудовищном смешении энергий и волю, хаоса и космоса, бреда и гармонии:

«Реки вздувают безмерные воды, / Стонет в равнинах метель: / Бродит в точиле, / качает народы / Русский разымчивый хмель. / Мы — заражённые / совестью: в каждом / Стеньке — святой Серафим, / Отданный тем же похмельям / и жаждам, / Тою же волей томим. / Мы погибаем, не умирая, / Дух обнажаем до дна. / Дивное диво — горит, не сгорая, Неопалимая Купина!»⁵.

При этом Ржевскому «Россия после» дорога не меньше, а, может быть, даже больше, чем «Россия до», которую он не застал. Гармоническая бунинская Россия ушла в прошлое, но осталась Россия дисгармоничная, в которой царит ветер («Ветер, ветер — / На всем Божьем свете»⁶, как в поэме А. Блока «Двенадцать»). Но и в этой дисгармоничной, жестокой родине можно найти,

1 Ржевский Л. Д. Между двух звезд. М., 2000. С. 393.

2 Там же. С. 11.

3 Блок А. Собрание сочинений в восьми томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, М.-Л., 1960. Т. 3. С. 274.

4 Волошин М. Звезда Полынь. М., 2013. С. 149.

5 Там же. С. 149.

6 Блок А. Собрание сочинений в восьми томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, М.-Л., 1960. Т. 3. С. 100.

угадать черты подлинной, «небесной России», «России духа».

К этой «вневременной» России как земному воплощению небесной Истины обращается в своем дневнике двадцатилетний москвич Володя Заботин, примкнувший к власовской РОА (Российской освободительной армии), надеясь таким образом освободить родину от тоталитарного сталинского режима. Но временный («тактический») союз с немцами ради освобождения России становится страшной, роковой ошибкой Володи Заботина, как и других бойцов РОА, которые вступили в ряды «пораженцев» не ради спасения собственной жизни, а по идеологическим соображениям. Обращаясь к вечной — не «белой» и не «красной» — России, Володя Заботин цитирует «Заклинание» М. Волошина:

«Из крови, пролитой в боях,/Из праха, обращенных в прах,/Из мук казненных поколений,/Из душ, крестившихся в крови,/Из ненавидящей любви,/Из преступлений, иступлений/Возникнет праведная Русь./Я за нее одну молюсь/И верю замыслам извечным./Ее куют ударом мечным,/Она мостится на костях,/Она, святыня в ярых битвах,/На жгучих строится мощах,/В безумных плавится молитвах»⁷.

В аксиологической парадигме военной прозы Л. Ржевского идея Блага, понятия Истины, Добра и Красоты неразрывно связаны с образом России, с интерпретацией особого исторического пути России. Идея Блага как таковая представлена в романе «Между двух звезд» как категория, неотделимая от патриотизма. Благо понимается героями романа не только как общечеловеческая категория, но и прежде всего как Благо России, как реализация ее исторического предназначения — благого по своей сути.

Мечта Л. Д. Ржевского о «России духа» звучна метаисторическим и трансфизическим видениям Даниила Андреева о «Небесной России». «Сны-озарения» открыли Даниилу Андрееву, что в «бездне есть двойник России/Его прообраз — в небе есть»⁸. Двойник России из бездны — это дисгармоничная и жестокая родина, которую, конечно, можно любить «даже такой», но которая бесконечно далека от «Небесной России». И для Л. Д. Ржевского, и для Даниила Ан-

дреева было свойственно мифопоэтическое осмысление русской истории, которая «вершится и на земле, и в сияющем небе, и в мрачной бездне»⁹.

Для Даниила Андреева «Россия Духа» была связана с окрестностями старинного русского городка Трубчевска, с брянскими заповедными лесами, с Жеренскими озерами, с реками Десна, Нерусса, Навля. «Без исхоженных босиком, с заплечным мешком и палкой в руке окрестностей Трубчевска Даниила Андреева не представлял образа России»¹⁰, — пишет Б. Романов. Средоточие Небесной России, по Д. Андрееву, это «Небесный Кремль». Так, поэт-вестник писал:

«И дрогнул пред гонцом небесным/Состав мой детский в давний миг,/Когда, взглянув сквозь Кремль телесный,/Я Кремль заоблачный постиг»¹¹.

«Небесный Кремль» — это столица «Небесной России». Именно здесь обитает ее высший совет (синклит):

«Все упование, все утешенье/В русских пожарах,/распрях,/хуле — /Знать, что над нами творят поколенья/Храм Солнца Мира/в Вышнем Кремле»¹².

В случае «Чистого понедельника» И. А. Бунина можно говорить о творческом диалоге Ржевского и Бунина, о влиянии художественного мира Бунина на творчество Ржевского, об интertextуальных совпадениях.

Однако и героиня «Чистого понедельника», и Женя, и Агния принадлежат к числу «странных» героинь, «откуда-то не с земли». Более того, они без прощальных слов и объяснений исчезают из жизни своих возлюбленных, поскольку считают продолжение отношений — грехом. Для Агнии офицер МГБ Яконов — человек из другого лагеря, примкнувший к Антихристу. Для Жени Алексей Филатович — отступник. Он — ученик и последователь Радова предает своего учителя молчанием, неспособностью вступить за него. Героиня «Чистого понедельника» вообще считает земную любовь греховной и, цитируя старинное русское сказание о муромской княгине, к которой змей прилетал «на блуд», сравнива-

7 Волошин М. Усобица: Стихи о революции. Львов: Живое слово, 1923. С. 11.

8 Романов Б. Путешествие с Даниилом Андреевым. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 100.

9 Там же. С. 110.

10 Там же. С. 110.

11 Там же. С. 277.

12 Романов Б. Путешествие с Даниилом Андреевым. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 278.

ет героя со змием в естестве человеческом, зело прекрасном. Но в любом случае перед нами героини «не от мира сего», тяготящиеся жестокостью и пошлостью земного мира.

В целом можно сказать, что многие бунинские рассказы, вошедшие в «Темные аллеи», в частности, «Чистый понедельник», стали той сюжетной канвой, в соответствии с которой развивались романы и повести Л. Ржевского. «Сентиментальная повесть» — яркое тому подтверждение.

Любая картина, любой микрофрагмент памяти могут в творчестве писателя-филолога Л. Д. Ржевского стать основой сюжета литературного произведения. Уже в самом названии романа Ржевского «Две строчки времени» скрыта визуальная параллель оппозиции прошлого и настоящего.

«Две строчки времени» — это условно автобиографический роман, причем мемуары (дневниковые записи) здесь — не только художественная форма, но и объект повествования. Из шести глав романа две посвящены прошлому и на самом деле являются главами мемуаров, о работе над которыми автор говорит в первой главе.

О событиях же, описываемых в этих мемуарах, читатель узнает только в третьей и четвертой главах, а пока, в самом начале романа, известно только то, что повествователь работает над автобиографическим произведением. В тот момент, когда впервые об этом заходит речь, и происходит мистическое проникновение прошлого в настоящее, подается импульс, благодаря которому происходят все дальнейшие события и сам читатель получает шанс познакомиться с содержанием мемуаров (дневников). По сути, роман «Две строчки времени» — не одно, а два произведения, два сюжета о прошлом и о настоящем, роман в романе, структура которого подоб-

на гофмановской или булгаковской: на первый взгляд, абсолютно автономные повести, взаимно пересекаясь, составляют смысловое единство.

Каждая эпоха предлагает не только свои ценности, но и псевдоценности, которые губят человека и, затмевая разум, не дают ему возможности сделать выбор между добром и злом. Зло в творчестве Л. Д. Ржевского — неизменная категория, которая в зависимости от времени меняет только свою внешнюю оболочку, но при помощи фактически одних и тех же приемов разрушает отношения, ломает судьбы, калечит «Я» человека¹³.

Список литературы

1. Агеносов В. В. Литература Русского Зарубежья. М., 1998.
2. Агеносов В. В. Неизданная переписка И. А. и В. Н. Буниных с Л. Д. Ржевским // Грани. 1999. № 191.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
4. Блок А. Собрание сочинений в восьми томах. М.: Гос. изд-во художественной литературы, Ленинград. Москва-Ленинград, 1960.
5. Волошин М. Звезда Полюнь. М., 2013.
6. Волошин М. Усобица: Стихи о революции. Львов: Живое слово, 1923.
7. Гуль Р. Б. О прозе Л. Ржевского // Одвуконь, Мост. Нью-Йорк, 1973.
8. Лихачев Д. С., Самвелян Н. Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М., 1988.
9. Ржевский Л. Д. Между двух звезд. М., 2000.
10. Романов Б. Путешествие с Даниилом Андреевым. М.: Прогресс-Плеяда, 2006.
11. Хализев Б. Е. Принципы анализа литературного произведения. М., 1984.

13 Хализев Б. Е. Принципы анализа литературного произведения. М., 1984. С. 37

RUSSIA AS THE ETERNAL VALUE IN THE WORK L. D. RZHEVSKY

Kononov Andrey Alexandrovich,

PhD, professor,

Director of the Institute of fine arts

Moscow state pedagogical University

Malaya Pirogovskaya street, house 1, building 1, Moscow, Russia, 119991,

e-mail: aa.kononov@mpgu.edu

Abstract

The article deals with the problems associated with the understanding of Russia, its purpose, its path in the world as the highest value in the axiological paradigm of Creativity L. D. Rzhnevsky, one of the most significant writers of the «second wave» of Russian emigration.

Keywords

The axiological paradigm of Rzhnevsky's work, the purpose of Russia, its way in the world, the «second wave» of Russian emigration.